

Л. Андреев

МЫСЛЬ

Драма в шести картинах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Андреев**
Мысль: Драма в шести картинах / Л. Андреев – М.: Книга по Требованию,
2021. – 68 с.

ISBN 978-5-517-98510-1

ISBN 978-5-517-98510-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

умиралъ бы отъ тоски, если бы умѣлъ пить вино. Впрочемъ надо пить вино двадцать тысячъ лѣтъ, чтобы умѣть это дѣлать.

Крафтъ. Расскажите мнѣ о Джайпурѣ.

Садится глубже въ кресло и опирается головой на руку.

Керженцевъ. Здѣсь произошла катастрофа, Крафтъ.

Крафтъ. Да?

Керженцевъ. Да, какая то катастрофа. Откуда эта тоска у обезьянъ, эта непонятная и страшная меланхолия, отъ которой онѣ сходятъ съ ума и умирають въ отчаяніи?

Крафтъ. Сходятъ съ ума?

Керженцевъ. Вѣроятно. Никто въ животномъ мірѣ, кромѣ человѣкоподобныхъ обезьянъ не знаетъ этой меланхолии . . .

Крафтъ. Собаки часто воють.

Керженцевъ. Это другое, Крафтъ, это страхъ передъ невѣдомымъ міромъ, это ужась! Теперь всмотритесь въ его глаза, когда онъ тоскуетъ: это почти наши человѣческіе глаза. Всмотритесь въ его общую человѣкоподобность . . . мой Джайпуръ часто сидѣлъ, задумавшись, почти такъ, какъ вы сейчасъ . . . и поймите, откуда эта меланхолия? Да, я часами сидѣлъ передъ клѣткой, я всматривался въ его тоскующіе глаза, я самъ искалъ отвѣта въ его трагическомъ молчаніи — и вотъ мнѣ показалось однажды: онъ тоскуетъ, онъ грезитъ смутно о томъ времени, когда онъ также былъ человѣкомъ, царемъ, какой то высшей формой. Понимаете, Крафтъ: былъ!

Керженцевъ поднимаетъ палецъ.

Крафтъ. Допустимъ.

Керженцевъ. Допустимъ. Но вотъ я смотрю дальше, Крафтъ, я смотрю глубже въ его тоску, я уже не часами, я днями сижу передъ его безмолвными глазами — и вотъ я вижу: или онъ уже былъ царемъ — или же . . . слушайте, Крафтъ! или же онъ могъ имъ стать, но что то

помѣшало. Онъ не вспоминаеть о прошломъ, иѣтъ, — онъ тоскуеть и безнадежно мечтаетъ о будущемъ, которое у него отняли. Онъ весь — стремленіе къ высшей формѣ, онъ весь — тоска о высшей формѣ, ибо передъ нимъ . . . передъ нимъ, Крафтъ — стѣна!

Крафтъ. Да, это тоска.

Керженцевъ. Это тоска, вы понимаете, Крафтъ? Онъ шолъ, но какая то стѣна преградила его путь. Понимаете? Онъ шолъ, но какая то катастрофа разразилась надъ его головой — и онъ остановился. А можетъ быть, катастрофа даже отбросила его назадъ, — но онъ остановился. Стѣна, Крафтъ, катастрофа! Его мозгъ остановился, Крафтъ — и съ нимъ остановилось все! Все!

Крафтъ. Вы опять возвращаетесь къ вашей мысли.

Керженцевъ. Да. Есть что то ужасное въ прошломъ моего Джайпура: въ тѣхъ мрачныхъ глубинахъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, но онъ не можетъ рассказать. Онъ самъ не знаетъ! Онъ — только умираеть отъ невыносимой тоски. Мысль! — да, конечно, мысль!

Керженцевъ встаетъ и ходитъ по кабинету.

Керженцевъ. Да. Та мысль, силу которой мы съ вами знаемъ, Крафтъ, вдругъ измѣнила ему, вдругъ остановилась и стала. Это ужасно! Это ужасная катастрофа, страшнѣе потопа! И онъ покрылся волосами снова, онъ снова сталъ на четвереньки, онъ пересталъ смѣяться — онъ долженъ умереть отъ тоски. Онъ развѣщанный царь, Крафтъ! Онъ экс-король земли! Отъ его царствъ осталось нѣсколько камней, а гдѣ владыка, — гдѣ жрецъ, — гдѣ царь? Царь бродитъ по лѣсамъ и — умираеть отъ тоски. Недурно, Крафтъ.

Молчаніе. Крафтъ въ той же позѣ, неподвиженъ. Керженцевъ ходитъ по комнатѣ.

Керженцевъ. Когда я изслѣдовалъ мозгъ покойнаго Игнатія, не моего отца, а этого . . . Смѣется. Этотъ также былъ Игнатіемъ.

Крафтъ. Почему вы второй разъ смѣтаетесь, говоря объ отцѣ?

Керженцевъ. Потому, что я не уважалъ его, Крафтъ. Молчаніе.

Крафтъ. Что же вы нашли, когда открыли черепъ Игнатія?

Керженцевъ. Да, я не уважалъ моего отца. Послушайте, Крафтъ, — мой Джайпуръ скоро умретъ: хотите, вмѣстѣ изслѣдуемъ его мозгъ? Это будетъ интересно.

Садится.

Крафтъ. Хорошо. А когда я умру — вы посмотрите мой мозгъ.

Керженцевъ. Если вы мнѣ его завѣщаете, — съ удовольствіемъ, то есть съ готовностью, хотѣлъ я сказать. Вы послѣднее время не нравитесь мнѣ, Крафтъ. Вы вѣроятно пьете мало вина. Вы начинаете тосковать, какъ Джайпуръ. Пейте.

Крафтъ. Не хочется. Вы всегда одинъ, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ рѣзко. Мнѣ никого не надо.

Крафтъ. Мнѣ сегодня почему то кажется, что вы очень несчастный человѣкъ, Антонъ Игнатьевичъ!

Молчаніе. Крафтъ вздыхаетъ и мѣняетъ позу.

Керженцевъ. Послушайте, Крафтъ, я не просилъ васъ говорить о моей личной жизни. Вы мнѣ пріятны, такъ какъ вы умѣете думать и васъ волнуютъ тѣ же вопросы, что и меня, мнѣ пріятны наши бесѣды и занятія, но мы не друзья, Крафтъ, я прошу васъ это запомнить! У меня нѣтъ друзей и я ихъ не хочу.

Молчаніе. Керженцевъ подходитъ къ углу, гдѣ клѣтка, отдергиваетъ пологъ и слушаетъ: тамъ тихо, — и снова возвращается на свое мѣсто.

Керженцевъ. Спитъ. — Впрочемъ могу вамъ сказать, Крафтъ, что я чувствую себя счастливымъ. Да, счастливымъ! У меня есть мысль, Крафтъ, у меня есть — вотъ это!

Нѣсколько сердито постукиваетъ пальцами по своему лбу.

Керженцевъ. Миѣ никого не надо.

Молчаніе. Крафтъ неохотно пьетъ вино.

Керженцевъ. Пейте, пейте. А вы знаете, Крафтъ — вы скоро услышите обо миѣ . . . да, черезъ мѣсяць, полтора.

Крафтъ. Вы выпускаете книгу?

Керженцевъ. Книгу? Нѣтъ, что за вадоръ! Я никакой книги выпускать не хочу, я работаю для себя. Миѣ люди не нужны — я кажется уже третій разъ говорю вамъ это, Крафтъ? Довольно о людяхъ. — Нѣтъ, это будетъ . . . нѣкоторый опытъ. Да, интересный опытъ!

Крафтъ. Вы не скажете миѣ, въ чемъ дѣло?

Керженцевъ. Нѣтъ. Я вѣрю въ вашу скромность, иначе и этого я не сказалъ бы вамъ, — но нѣтъ. Вы услышите. Миѣ захотѣлось . . . у меня такъ сложилось . . . однимъ словомъ, я хочу узнать крѣпость своей мысли, измѣрить ея силу. Понимаете, Крафтъ: лошадь увнаешь только тогда, когда проѣдешь на ней! Смѣется.

Крафтъ. Это опасно?

Молчаніе. Керженцевъ задумался.

Крафтъ. Антонъ Игнатычъ, этотъ вашъ опытъ — опасенъ? Я слышу это по вашему смѣху: у васъ нехорошій смѣхъ.

Керженцевъ. Крафтъ! . .

Крафтъ. Я слушаю.

Керженцевъ. Крафтъ! Скажите миѣ, вы серьезный молодой человекъ: вы осмѣлились бы на мѣсяць, на два притвориться сумасшедшимъ? Пойдите: не надѣть маску дешеваго симулянта — понимаете, Крафтъ? — а вызвать заклинаніемъ самого Духа Безумія. Вы видите его: вмѣсто короны — солома въ сѣдыхъ волосахъ, и мантия его растерзана — вы видите, Крафтъ?

Крафтъ. Вижу. Нѣтъ, я не сталъ бы. — Антонъ Игнатычъ, это и есть вашъ опытъ?

Керженцевъ. Можетъ быть. Но — оставимъ, Крафтъ, оставимъ. Вы дѣйствительно серьезный молодой человѣкъ. — Хотите еще вина?

Крафтъ. Нѣтъ, спасибо.

Керженцевъ. Милый Крафтъ, съ каждымъ разомъ, какъ я васъ вижу, вы все блѣднѣе. Вы куда то исчезали. Или вы нездоровы, что съ вами?

Крафтъ. Это личное, Антонъ Игнатьичъ. Мнѣ также не хотѣлось бы говорить о личномъ.

Керженцевъ. Вы правы, извините.

Молчаніе.

Керженцевъ. Вы знаете Савелова Алексѣя?

Крафтъ равнодушно. Я знакомъ не со всѣми его вещами, но онъ мнѣ нравится, онъ талантливъ. Я еще не читалъ его послѣдняго разсказа, но хвалятъ . . .

Керженцевъ. Вздоръ!

Крафтъ. Я слыхалъ, что онъ . . . вашъ другъ?

Керженцевъ. Вздоръ! Но пусть другъ, пусть другъ. Нѣтъ, что вы городите, Крафтъ: Савеловъ талантливъ! Таланты нужно хранить, таланты надо беречь, какъ зѣницу ока, и если бы онъ былъ талантливъ! . .

Крафтъ. То что?

Керженцевъ. Ничего! Онъ не алмазь — онъ только алмазная пыль. Онъ — гранильщикъ въ литературѣ! У генія и крупнаго таланта всегда острые углы и Савеловская алмазная пыль нужна только для граненія: блестятъ другіе, пока онъ работаетъ. Но . . . оставимъ всѣхъ Савеловыхъ въ покоѣ, это не интересно.

Крафтъ. Мнѣ также.

Молчаніе.

Крафтъ. Антонъ Игнатьичъ, — вы не можете разбудить вашего Джайпура? Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть на него, въ его глаза. Разбудите.

Керженцевъ. Вамъ хочется, Крафтъ? Хорошо, я разбужу его . . . если только онъ уже не умеръ. Пойдемте.

Оба подходятъ къ клѣткѣ, Керженцевъ отдергиваетъ пологъ.

Крафтъ. Онъ спитъ?

Керженцевъ. Да, онъ дышитъ. Я его бужу, Крафтъ! . .

З а н а в ѣ с ъ .

Вторая картина.

Кабинетъ писателя Алексѣя Константиновича Савелова. Вечерь. Тишина. За письменнымъ столомъ своимъ пишетъ Савеловъ; въ сторонѣ, за небольшимъ столикомъ, пишетъ дѣловыя письма жена Савелова, Татьяна Николаевна.

Савеловъ внезапно. Таня, дѣти спятъ?

Татьяна Николаевна. Дѣти?

Савеловъ. Да.

Татьяна Николаевна. Дѣти спятъ. Уже ложились, когда я ушла изъ дѣтской. А что?

Савеловъ. Такъ. Не мѣшай.

Снова тишина. Оба пишутъ. Савеловъ хмуро морщится, кладетъ перо и два раза проходитъ по кабинету. Заглядываетъ черезъ плечо Татьяны Николаевны на ея работу.

Савеловъ. Ты что дѣлаешь?

Татьяна Николаевна. Я пишу письмо относительно той рукописи, надо же отвѣтить, Алеша, неловко.

Савеловъ. Таня, пойди сыграй мнѣ. Мнѣ надо. Сейчасъ ничего не говори — мнѣ надо. Иди.

Татьяна Николаевна. Хорошо. А что сыграть?

Савеловъ. Не знаю. Выбери сама. Иди.

Татьяна Николаевна выходитъ въ сосѣдную комнату, оставляя дверь открытой. Тамъ вспыхиваетъ свѣтъ. Татьяна Николаевна играетъ на рояли. Савеловъ проходитъ по комнатѣ, садится и слушаетъ. Курить. Кладетъ папиросу, подходитъ къ двери и издали кричить.

Савеловъ. Довольно, Таня. Не надо. Иди сюда! Таня, ты слышишь? . .

Молча расхаживаетъ. Входитъ Татьяна Николаевна и внимательно смотритъ на мужа.

Татьяна Николаевна. Ты что? Алеша — тебѣ опять не работается?

Савеловъ. Опять.

Татьяна Николаевна. Отчего?

Савеловъ. Не знаю.

Татьяна Николаевна. Ты усталъ?

Савеловъ. Нѣтъ.

Молчаніе.

Татьяна Николаевна. Миѣ можно продолжать письма, или оставить?

Савеловъ. Нѣтъ, оставь! Лучше поговори со мной... но можетъ быть, тебѣ не хочется говорить со мной?

Татьяна Николаевна улыбается. Ну какія глупости, Алеша, какъ тебѣ не стыдно... смѣшной! Пусть останется, я потомъ допишу, не важно.

Собираетъ письма, Савеловъ ходить.

Савеловъ. Миѣ сегодня совсѣмъ не пишется. И вчера тоже. Понимаешь, я не то, чтобы усталъ, какой чортъ! — а хочется чего то другого. Чего то другого. Чего то совсѣмъ другого!

Татьяна Николаевна. Пойдемъ въ театръ.

Савеловъ останавливаясь. Въ какой? — Нѣтъ, ну его къ чорту!

Татьяна Николаевна. Да, пожалуй, и поздно уже.

Савеловъ. Ну его къ чорту! Ни малѣйшаго желанія нѣтъ идти въ театръ. Жалко, что дѣти спятъ... нѣтъ, впрочемъ, не хочу и дѣтей. И музыки не хочу — только душу тянетъ, отъ нея еще хуже. Чего я хочу, Таня?

Татьяна Николаевна. Не знаю, голубчикъ.

Савеловъ. И я не знаю. Нѣтъ, я догадываюсь, чего миѣ хочется. Садись и слушай, — ну? (Миѣ надо не писать, — понимаешь, Таньхенъ? — а самому что то дѣлать, двигаться, махать руками, совершать какія то дѣйствія. Дѣйствовать!) Въ концѣ концовъ это просто невыносимо: быть только зеркаломъ, висѣть на стѣнѣ своего кабинета и только отражать!.. Постой: а это недурно бы написать печальную, очень печальную ска-

вочку о зеркалѣ, которое сто лѣтъ отражало убійць, красавиць, королей, уродовъ — и такъ стосковалось о настоящей жизни, что сорвалось съ крюка и . . .

Татьяна Николаевна. И что?

Савеловъ. Ну и (разбилось) конечно, что же еще! Нѣтъ, надоѣло, опять выдумка, беллетристика, гонораръ. Нашъ извѣстный Савеловъ написалъ . . . къ чорту окончательно!

Татьяна Николаевна. А я temu все таки запишу.

Савеловъ. Записывай, если тебѣ хочется. Нѣтъ, ты только подумай, Таньхень: за шесть лѣтъ я ни разу не измѣнилъ тебѣ! Ни разу!

Татьяна Николаевна. А Наденька Скворцова?

Савеловъ. Оставь! Нѣтъ, я серьезно говорю, Таня: это невозможно, я начинаю ненавидѣть себя. Трижды проклятое зеркало, которое виситъ неподвижно и можетъ отражать только то, что само захочетъ отразиться и проходить мимо. За спиной у зеркала могутъ совершаться изумительныя вещи, а оно отражаетъ въ это время какого то ідіота, болвана, которому захотѣлось поправить галстухъ!

Татьяна Николаевна. Это невѣрно, Алеша.

Савеловъ. Ты рѣшительно ничего не понимаешь, Татьяна! Я ненавижу себя — понимаешь это? Нѣтъ? Я ненавижу тотъ мірокъ, который живетъ во мнѣ, вотъ тутъ, въ головѣ — міръ моихъ образовъ, моего опыта, моихъ чувствъ. Къ чорту! Мнѣ опротивѣло то, что у меня передъ глазами, я хочу того, что у меня за спиной . . . что тамъ? Цѣлый огромный міръ живетъ гдѣ то за моею спиной, — и я же чувствую, какъ онъ прекрасенъ, а головы повернуть не могу. Не могу! Къ чорту. — Скоро я совсѣмъ брошу писать!

Татьяна Николаевна. Это пройдетъ, Алеша.

Савеловъ. И очень жаль будетъ, если пройдетъ. — Ахъ, Господи, хоть бы кто нибудь зашолъ и рассказалъ — о той жизни рассказалъ!

Татьяна Николаевна. Можно позвать когонибудь . . . Алеша, хочешь я позвоню Федоровичу?

Савеловъ. Федоровичу? Чтобы снова весь вечер говорить о литературѣ? Къ чорту!

Татьяна Николаевна. Но кого же? Я не знаю, кого можно позвать, кто подошолъ бы къ твоему настроенію. Сигизмундъ?

Савеловъ. Нѣтъ! И я никого не знаю, кто подошолъ бы. Кто?

Оба думаютъ.

Татьяна Николаевна. А если Керженцеву?

Савеловъ. Антону?

Татьяна Николаевна. Да, Антону Игнатьевичу. Если позвонить, онъ сейчасъ пріѣдетъ, по вечерамъ онъ всегда дома. Если не захочется говорить, то поиграй съ нимъ въ шахматы.

Савеловъ останавливается и сердито смотритъ на жену. Съ Керженцевымъ въ шахматы я не стану играть, какъ ты этого не понимаешь? Прошлый разъ онъ съ трехъ ходовъ зарѣзалъ меня . . . что же мнѣ интереснаго играть съ такимъ . . . Чигоринымъ! И я все таки понимаю, что это только игра, а онъ серіозенъ, какъ идолъ, и когда я проигрываю, считаетъ меня осломъ. Нѣтъ, не надо Керженцева!

Татьяна Николаевна. Ну поговоришь, вы съ нимъ друзья.

Савеловъ. Говори съ нимъ сама, ты съ нимъ любишь говорить, а я не хочу. Во первыхъ говорить буду только я, а онъ будетъ молчать — мало ли люди молчать, но онъ молчитъ ужасно противно! И потомъ онъ просто надоѣлъ мнѣ съ своими дохлыми обезьянами, своей божественной мыслью — и лакеемъ Васькой, на котораго онъ кричитъ, какъ буржуи. Экспериментаторъ! У человѣка такой великолѣпный лобъ, за который за одинъ можно поставить памятникъ — а что онъ сдѣлалъ? Ничего. Хотя бы